

Он называет себя «перелетной птицей», поскольку живет на два дома: зимой – в Москве, летом – в Иркутске, почетным гражданином которого является уже не одно десятилетие. Недавно иркутянам было представлено самое полное на сегодняшний день собрание сочинений Валентина Распутина в 4 томах. Тираж всего 3500 экземпляров, треть из которых бесплатно распределили по местным библиотекам. Кроме того, в разных городах проходят Распутинские чтения, а на 10-й национальной выставке-ярмарке «Книги России» на ВВЦ творчеству Распутина посвящен специальный стенд «Россия Сибирью прирастает!». По просьбе нашей газеты накануне 70-летнего юбилея писателя о нем и с ним говорит его давний друг искусствовед **Савелий ЯМЩИКОВ**.

С.Я.: Работая в музеях Карелии, Пскова, Новгорода, Вологды, Ярославля, я, конечно, слышал о писателях русской провинции. Но, видимо, жизнь сама выбирает момент, когда простая осведомленность сменяется пристальным вниманием души к явлению искусства или литературы. Так в конце 70-х у меня произошло с творчеством Валентина Распутина. После чего я обратился к книгам Белова, Астафьева, Носова, перечитал Шукшина, которого знал лично, по-новому открыл Федора Абрамова. Теперь понимаю, почему эти книги так запали в душу: все, с таким мастерством в них описанное, тесно переплетено с моими корнями, с судьбами моей родни – крестьян по отцовской линии и священников-старообрядцев – по материнской. Изучая эту прозу, убеждался, что она естественно продолжает традиции русской литературы XIX века. Ей каким-то чудом удалось перейти через шаткий мостик столетий, не расплескав чашу чистого и живого восприятия русской деревни – основы основ нашего бытия.

С Валентином Григорьевичем мы познакомились в 80-е, были у нас совместные работы, телепередачи. Когда нагрянули страшное продолжение революции и последовавший затем развал страны, я понял, что именно этим писателям сразу переключат кислород. Меня спрашивали знакомые: что же твой Распутин ничего не пишет? Я знал, насколько тяжело Валентин Григорьевич переживает происходящее. Читая его газетные статьи, рассказы «В ту же землю», «В непогоду», «Изба», «Видение», я понимал, что новая книга зреет. И вот вышла знаковая для нашей эпохи повесть «Дочь Ивана, мать Ивана». Хочу спросить Валентина Григорьевича о том, что ей предшествовало. Как, например, выработался неповторимый стиль писателя, язык его прозы?

В.Р.: Тот язык, которым пишу, во многом от моей бабушки – она так говорила. Сидеть бы да записывать ее удивительные рассказы. Жаль, в те времена у меня не было звукозаписывающей техники. Но я и без того многое запомнил и, когда пришло время писать, воспользовался бабушкиным языком. Правда, поначалу стеснялся его. Ну как же: в город приехал, университет окончил, французских и американских литераторов читал, а тут какой-то деревенский язык! Потом у Шукшина прочитал, что он тоже, когда поступил во ВГИК, стыдился своего языка.

Понять как можно. Мы-то из деревенского языка как бы выбрали и оставили его в той, прежней жизни. Потом я осознал, какое это богатство, как повезло и Астафьеву, и Абрамову, и Носову, и Белову – эти писатели раньше меня начали. Помню, с каким удивлением читал их прозу. Оказывается, можно так писать. Повесть «Последний срок» у меня легко получилась. Летом в деревне народу собралось много, родственники гостили, негде было приткнуться. Так я в баньке приспособился. Темная она, одно окошко. Постелил на ящик газетку, сам сел на чурку. Так хорошо писалось!

Правда, перед этим был очерк «Вниз и вверх по течению», который мне тяжело дался, потому что хотелось написать так же изысканно, как у Бунина или Бориса Зайцева. Там герой приезжает на родину и видит, чем для его односельчан, для деревни в сорок дворов стало переселение на новые места. Всей глубины трагедии мы по молодости тогда не осознавали. Я написал об этом красиво и отстраненно. Недавно перечитал этот текст уже с высоты, так сказать, человеческого и писательского опыта и все переписал.

Замечать мир вокруг себя – не всегда это дается от рождения. Нужно особое зрение. У меня оно, кажется, было. Я стал учиться замечать так, чтобы это можно было записать. Не так давно мне предложили составить тематический сборник рассказов и публицистики. И са-

Исполнилось 70 лет одному из самых значительных писателей России - Валентину Распутину. Он родился в крестьянской семье, вырос в селе Аталанка, что в 400 километрах от Иркутска. После окончания историко-филологического факультета ИГУ работал журналистом в газетах. В 1961 году в альманахе «Ангара» был опубликован первый рассказ Распутина «Я забыл спросить у Лешки». Спустя шесть лет молодому писателю приносит всеобщую славу повесть «Деньги для Марии». Сейчас в России, пожалуй, нет театра, который бы хоть однажды не выводил на свою сцену распутинских героев. Были экранизированы лучшие повести и рассказы писателя - «Уроки французского», «Василий и Василиса», «Продается медвежья шкура», «Прощание с Матёрой»... А в эти дни на Волге режиссер Александр Прошкин снимает сериал по знаменитой повести Распутина «Живи и помни» (1974, Госпремия -1977).

ФОТО ИТАР-ТАСС

Валентин РАСПУТИН: БЕЗ ПОТАЕННОГО НАМ НЕ ОБОЙТИСЬ

са собой сложилась книга о затопленной моей малой родине. Там после переселения устроили большой леспромхоз, и дела вроде шли неплохо, заработки хорошие. Но у нас материальное благополучие редко оживает с нравственностью. Тем более что и работенка была разрушительная. Ведь не хлеб сеять, не землю пахать. Лес рубить – что Божий урожай снимать. Снимали, не жалели, планы перевыполняли. В 90-е леспромхоз сгинул. Поселок оказался без работы, без электричества и надежд. И все написанное об этом составило впечатляющую картину: с конца 50-х и по сей день – летопись, где художественная, где документальная, о разрушении земли и человека.

Моя малая родина, она действительно почти погибла. Ангара не стало, нет больше такой реки, а есть четырехжды обузданная тягловая лошадка, добывающая электричество. Братская ГЭС, Иркутская, Усть-Илимская, Богучанская. Да и Енисей, в сущности, нет, он точно так же запряжен и обуздан. Но линии электропередачи прошли в стороне от прибрежных деревьев. Освещающая мой поселок электростанция работает на солярке, которая сейчас стала золотой. Вот и включают свет на два-три часа утром и вечером... Судьбина – не позавидишь.

С.Я.: Хорошо, хоть предотвратили поворот северных рек! Помнится, на эту борьбу ты, Валентин Григорьевич, часть жизни положил...

В.Р.: Сибирскую реку повернуть – значит потерять ее. Вполовину она будет уходить под землю, просачиваться, заболачивать землю. Да и нет у нас лишней воды. Принято было выкачивать все из России в национальные республики. Теперь республики уже не наши, а метода все та же. А там нас, как это обычно бывает, за все щедроты лишь ненавидят. Считают, раз мы не ценим своих богатств, они нам и не нужны.

Вот пытаются понять: почему Россия не похожа на Францию или Японию? Да потому что она стоит на этом месте! В России до самого последнего времени существовала цивилизация крестьянская, а в Европе она когда еще отмерла! Теперь российскую деревню разбомбили, разрушили окончательно.

Остались отдельные дома аграриев. Но крестьянин не аграрий. Он не просто сельский работник – это понятие духовное, самой землей возвращенное. В 60-е, а частично и в 70-е крестьянство еще оставалось. Пусть пострадало, даже, возможно, генетически покалеченное – и все-таки сколько было прекрасных людей! Тех, кто с фронта пришел, кто возрастал на этой земле. Но потом постарались и их разогнать, добить деревню окончательно, объявив «неперспективно».

Теперь, когда случается хороший урожай хлеба, крестьяне не знают, что с ним делать. Я со многими из них разговаривал: им спокойнее, когда урожай средний. Потому что меньше хлопот о горючем, которое дорожает, как только наступает уборочная. Нет урожая – значит, нет и забот по реализации зерна. Ведь не хочется посредникам-жуликам за бесценку отдавать.

Литература наша потускнела по тем же причинам. Ведь она черпает из устного языка, а его главным носителем был крестьянин. Но деревня уже стала говорить по-другому. Мы, писатели из деревни, сейчас отходим, а новые литераторы этого языка не знают. Иной раз даже язык есть, но нет размашистости, таланта, подготовленного для большой жизни. Появляется молодой человек. Пишет одну повесть, вторую, а потом исчезает. То есть дыхания, рассчитанного на долгую жизнь, у него нет. Это трагедия молодых писателей. Они не выдерживают бедности.

С.Я.: Валентин, знаю, ты не из тех, кто говорит о своих планах преждевременно. Но какой работы хочешь для себя в отпущенные судьбой годы?

В.Р.: Я из тех, кто не торопится. Мне всегда работало трудно. Вроде готовая вещь, все на месте, а чего-то нет. Красоты, цвета, изюминки какой-то. Не хватает, может быть, двух-трех слов, которые расцветили бы эту страницу. И начинаешь искать их, переписывать.

В 90-е писалось действительно немного. Уж больно горячие были годы. Хотелось уберечь всех от каких-то трагических событий. А потом в какой-то момент появилось ощущение, что читателя больше нет. Он, разумеется, не ис-

чез, но такое кругом творилось, что казалось, не время сейчас писать красиво – надо писать страстно. Не знаю, принесло ли это пользу, думаю, все-таки принесло. Потому что, когда приезжаешь в дальнюю сторону, люди постарше, следившие тогда за газетами и журналами, многое вспоминают. И интервью мои вспоминают, и статьи. Вот ты, в частности, о патриотизме, за которую меня в 91-м грязью забрасывали. Статья-то небольшая, потом уж я ее расширил, развернув в «Интеллигенцию и патриотизм».

А когда почувствовал, что устояли, пережили и это, потянуло опять на прозу. Совсем быть довольным работой нельзя, но главное я в повести «Дочь Ивана, мать Ивана» сказал. А сейчас надо написать о другом, не об этой безобразной жизни. Я даже по себе чувствую. Такое иной раз тяжелое настроение, что хочется взять не ту книжку, где опять душа воспламенится, а ту, где душа прельстится, отмякнет. Не знаю, о любви ли будет повесть или о чем-то еще, но непременно о добрых, очень добрых отношениях между людьми. Как будто и не существующих сегодня. Сейчас, я думаю, нужна такая книга, с которой читатель мог бы отдохнуть, а если проследиться, то слезами чуткими, благодарными. Благодарными этим героям за то, что они поднялись до таких чувств, таких отношений.

С.Я.: Мне кажется, в юном Иване из повести «Дочь Ивана, мать Ивана» есть черты героя этой твоей доброй, прельщающей душу новой книги...

В.Р.: Может быть. Хотя отношения у них с матерью и не совсем гладкие, но друг друга они понимали. Тамара Ивановна по характеру задира, но эта задиристость в Иване должна переродиться в твердые взгляды. Забавная она все-таки. Услышав от него все эти «очи», «лани-ты», удивилась, а потом даже испугалась. Куда пошел? Хотя понимает, что полз в пределы вовсе не запретные. Счастливые, возможно, пределы. Но она-то их не знает. Обидно ей становится: жизнь прожила – и не знает.

Вот так же и мне обидно, что жизнь проходит, а многого не узнал, не увидел, не успел сделать, прочувствовать, при-

нять в себя. В чужой стороне не всегда умел смотреть, старался поскорее сделать дело и уехать обратно.

Последние два года, я думаю, у нас было три великие книги. Это «Музыка как судьба» Георгия Свиридова, «Без выбора» Леонида Бородина и «Двести лет вместе» Солженицына. Без этих книг нельзя. Появились они – и нам как будто легче стало, мы уже силу в себе чувствуем.

С.Я.: Без этих книг нельзя. Так же, как нельзя без прозы Распутина, без трудов Льва Николаевича Гумилева и Дмитрия Балашова. Уход из жизни этого честнейшего русского писателя-историка пресса заметила только в связи со страшным убийством. Я-то его знал с малости. Поразительно, как в этом маленьком задиристом человеке рождалась такая мощная проза. Особенно люблю его книгу о Сергии Радонежском. Настолько глубоко он знал ту эпоху, тонко ее чувствовал.

Не замечали Балашова, знать не хотели Богомолова, замалчивают другие подлинные ценности нашей культуры. Зато торопятся сообщить стране подробности шикарной презентации или юбилея новомодного деятеля с zapредельным меню банкета. А в это время где-нибудь в Петрозаводске, в Пскове или Иркутске какой-нибудь талантливый писатель живет впроголодь. В сельских сотрудниц даже в столице зарплата мизерная, у врачей и учителей положение не лучше. И вот в заключение нашей беседы мне бы хотелось спросить: как ты считаешь, есть на все эти безобразия управа?

В.Р.: Конечно, есть. Всю эту гадость, срам напустили на Россию в течение каких-нибудь 15 лет. Быстро. Но за тот же срок можно и все исправить, очистить. Надо только, чтобы государство поставило перед собой такую задачу: спасение России, сохранение народа. Благополучие россиян зависит в первую очередь от их духовного, нравственного состояния. Все на этом держится. Будет духовное, нравственное – придет и достаток.

Вот какой случай рассказал мне один товарищ, доктор филологических наук, преподающий в одной из московских школ. Класс у него неплохой, девочек много. Как-то с благородных героинь Пушкина разговор у них перешел на современные проблемы – что негоже девушка в 16-18 лет пить пиво, курить, материться, ходить на всякие «голодранные» сборища. Из класса тут же вопрос: «А если пиво нравиться?» Он начинает объяснять, что это их приучили с помощью рекламы, а вообще девушка должна быть целомудренной, женственной, чистой, готовить себя к роли матери. Слушают, смеются. Товарищ мой только и сказал: «Не смейтесь, вспомните еще меня». Урок окончен, собирает он свои тетрадки. Тут подходят две девочки и со слезами на глазах говорят: «Как хорошо, что вы нам это сказали вслух». Наверняка они изгой в классе, их презирают за скромность и стыдливость, считают пережитком прежних понятий. И, видимо, они уже сами начали о себе так думать. Вот ведь до чего дошло: по телевидению о нравственных ценностях не говорят, в школе не говорят. Родители тоже считают, что толку от подобных разговоров мало. Но тут сказал взрослый, учитель, и его слово достигло той самой струны, которая должна быть задета. Значит, не все потеряно, если среди 20-30 есть хотя бы две, которые благодарят за слова, очищающие душу.

С.Я.: Да, трудно им. Я езжу по провинции и вижу то, чего раньше просто быть не могло. Облизывать пивные бутылки у всех на виду даже мужчины стеснялись. А тут иду по Ярославлю – красивые девочки лет по 17 сидят с пивом, курят. Я не выдержал, остановился. «Вы, – говорю, – на бабушку не обижайтесь и послушайте меня. Вы такие чудесные. Вам же надо познакомиться с хорошими парнями, полюбить, семью создать. Но если бы я был молодым парнем, я бы к вам не подошел». Удивились... К счастью, таких, как те две девочки из московской школы, все-таки немало.

В.Р.: Я думаю, даже те, которые нам кажутся людьми неприятными, наверняка какую-то добрую часть в себе сохранили. Может быть, приглушили, приглушили, поскольку это сейчас не пользуется спросом, но оставили – припрятали в дальнюю кубышку души. Надо бы эту лучшую часть заставлять работать, а не держать взаперти. Без этого потаенного все равно не обойтись.

Подготовил
Анатолий СТАРОДУБЕЦ